

Геннадий Гребенник

ЗАПИСКИ ОБИТАТЕЛЯ ОДЕССКОГО ИСТФАКА

«Мамы разные нужны,

Мамы всякие важны...»

1

Всякий поживший человек имеет воспоминания, но далеко не всякий имеет право занимать внимание незнакомых ему лично жителей планеты своей «историей». Почему люди пишут мемуары? Потому что волею судеб они стали свидетелями исторических событий, имеют прямое отношение к историческим решениям и контактировали с людьми исторического масштаба. Общественный интерес ко всем трем составляющим Истории побуждает взяться за перо. Это - один, наиболее распространенный, мотив мемуаристов. К нему я не имею никакого отношения.

Когда читаешь воспоминания таких великих политиков, как Отто фон Бисмарк и Уинстон Черчилль, то понимаешь, что свои мемуары они превратили в орудие политической борьбы. В них они решали задачу апологетики своей политики. Это также не мой случай.

Есть еще мотив пользы. Это многосложный мотив. Для кого и для чего я берусь восстанавливать факты прошлого, окрашенные личным участием и субъективным восприятием? Во-первых, для себя любимого. Наступает возраст, когда уже начинает вырабатываться отношение к собственной жизни как к нечто целому: увидеть смысл в том, что *было*, свершилось, связалось и продолжает свое *бытие* в феноменологии текущих событий - пожалуй, это важная задача для самопознания личности.

Во-вторых, я пишу для нынешних поколений студентов. То поколение, к которому я принадлежу, училось на историческом факультете до «нашей эры»; мы – родом из СССР, страны, которую сегодня одни идеализируют, другие обливают грязью, третьи хотят поскорее забыть. Существует миф о том, как победители Трои пожалели жителей побеждённого великого города и разрешили им уйти, взяв по своему выбору что-то из вещей по минимуму. Один из самых славных защитников Трои Эней не взял ничего, кроме изображений своих богов. Восхищенные его благочестием эллины разрешили ему взять что-нибудь ещё. Тогда Эней вынес на своих плечах своего немощного отца. Если человек

чувствует в себе живую связь с поколениями дедов и отцов (а это – советские поколения), то он ощущает свой долг нести бремя своей реальной, а не мифической, истории. Я отношу себя к таким людям.

Как историкам нам повезло: нас угораздило жить на сломе эпох. Вулканологи меня поймут. Первую часть своей жизни мы прожили в советскую эпоху, причем в лучший ее период, а вторую половину проводим в мире с другой системой ценностей, причем в период его тяжелого становления. И вот тут наше общество подстерегает угроза, суть которой выражена в шекспировских словах: «Распалась связь времен». Поэт Леонид Васкинен развил эту тему в своем стихотворении, где есть такие строчки:

**«На кладбище растоптанных традиций
Свое осуществляем бытиё.**

.....
**Отец давно понять не может сына,
А внуку чужда деда простота,
Века, касаясь, протекают мимо,
Без встречи расставаясь навсегда».**

Речь идет о том, что в результате катаклизма глобального масштаба, каковым стал распад СССР, в нашей исторической памяти образовались провалы, которые сегодня пытаются заполнить мифами, выдаваемыми за «правду истории». Моя скромная задача состоит в том, чтобы противопоставить этому заказному мифотворчеству правдивый рассказ о тех временах и событиях, свидетелем и рядовым участником которых я был.

Память – ненадежная штука. Если периодически не повторять свои «истории», они выветриваются, расплываются, утрачивая существенные детали, а если повторять, то превращаются в легенды. В них рассказчик становится весомым персонажем. Расставляя своих «героев» в удобные для него мизансцены, он в конце еще и присваивает право на мораль. Отдавая себе в этом полный отчет, автор этого мемуара хочет честно передать ощущения и впечатления того молодого, неуверенного в себе человека, каким он был в свои студенческие годы. С другой стороны, опыт преподавания в университете у него в настоящий момент будет поболее того, который был в период его ученичества у большинства его преподавателей, что позволяет ему а posteriori судить о них в профессиональном плане. Поэтому воспоминания дополнены размышлениями. Итак, представляю читателю свои записки на тему: мои главные уроки на истфаке.

***В Одессе ветреной в эпоху Брежнева живя,
Учились на истфаке мы, над книгами корня.
Мешая молодость свою с вином и пивом,
Молились Клио мы одесского разлива.
Стремителен бег жизни, а мы не боги.
Настало время подводить итоги.
Не нужно выводить себя за скобки,
Мы сами - артефакты той эпохи,***

Проводим в душах у себя раскопки.

2

Я учился на историческом факультете Одесского государственного университета имени Ильи Ильича Мечникова в 1973-1978 гг. То есть я отношусь к поколению «семидесятников». Боже, как же мы тогда были счастливы! Нас спасало только то, что мы об этом не подозревали. Впрочем, повод воспринимать мир в радужном свете у нас был весьма серьезный. Мы прошли серьезный отбор и поступили на престижный исторический факультет. Конкурс тогда был на истфак один из самых высоких в университете – семь человек на место, реально еще выше, поскольку ряд мест были заранее выделены льготникам: сиротам, инвалидам, людям после армии, сельским стипендиатам. Наконец, были среди нас и «фраера», поступившие по протекции. Мы, слава Богу, ничего об этом не знали. Много позднее, когда я сам стал регулярно участвовать в работе приемной комиссии, для меня открылось, что наша система отбора путем вступительных экзаменов была не столь уж безнадежно объективной.

Итак, мы поступили и с первых чисел сентября отправились всем курсом в село Благоево «спасать урожай». Там перезнакомились друг с другом. Было и еще одно немаловажное обстоятельство: тут же базировался третий курс. Кроме того, одним из наших кураторов была вчерашняя аспирантка Алла Доля. Именно она и старшие коллеги-третьекурсники преподавали неопитам первый предмет - студенческую мифологию исторического факультета. Как известно, главными героями, небожителями студенческой мифологии являются преподаватели. Поэтому спустя месяц приступив к занятиям, мы уже знали «кто есть who» по ту сторону «баррикады» и вели себя соответственно.

Куратором нашего первого курса был назначен тогда еще молодой доцент кафедры истории древних и средних веков **Владимир Никифорович Станко** (1937 – 2008). В 1973 году ему было всего лишь 36 лет. «Станок» - так мы его называли в своем кругу - казался старше своего возраста. Он читал нам «Историю первобытного общества». Станный это предмет, рожденный взаимодействием данных археологии, этнографии, антропологии, сравнительной биологии, философии... Скрепляет все это сочетание научная фантазия исследователя, ибо как жили гоминиды в эпохи палеолита, мезолита или даже неолита доподлинно не знает никто.

Станок был археологом-палеолитчиком. Взрослые люди посвящают свою жизнь тому, что отыскивают в земле «камешки» и потом долго спорят, пытаясь понять, то ли это эолиты, то есть камни, «обработанные» ветром или еще какой-нибудь природной стихией, то ли это вожделенные камни, обскубанные неумелой рукой древнего человека. Надо быть фанатом и обладать вызывающим прилив адреналина чувством первооткрывателя, чтобы стать охотником за артефактами и посредством скудных предметных находок в раскопах установить фетишистскую связь с далекими предками. Именно таким фанатом, мне представляется, был Владимир Никифорович, когда он появился за кафедрой и стал читать нам свой курс по истории первобытного общества. Несомненно, наука у него тогда была на первом месте, а преподавание - на втором. Он был фундаментально увлечен своей научной работой, что незамедлительно передалось нам через его лекции.

Сразу было видно: перед нами серьезный ученый. И это вызывало к тому, что он говорит, особенное доверие. Хотелось узнать еще больше. Поэтому я, к примеру, засел за чтение и конспектирование работ тех ученых, на которых он ссылался в своих лекциях: академика Окладникова, его ученика Деревянко, Ефименко, Нестурха, Борисковского, Масона. Я был восхищен работой антрополога, археолога и скульптора М. М. Герасимова, который на основе фрагментов костей скелета реконструировал облик неандертальского мальчика из Тешик-Таш, железного хромца Тамерлана, царя Ивана Грозного. Фантастика!

Благодаря Владимиру Никифоровичу мы прикоснулись к проблеме антропогенеза и социогенеза, по-русски говоря, к проблеме происхождения человека и общества. Хотя это вовсе не проблема, а великая тайна, которая средствами науки решена быть не может. Поэтому сам Станок пребывал в великой иллюзии и нас в ней поддерживал. Что поделаешь – не он один. Как возникло человечество? Собственно говоря, так называлась книга Ю. И.

Семенова (М., 1966), которую нам усиленно рекомендовал Станок. Еще по его «наводке» мы читали книгу Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» (М., 1974).

Урок номер один для нашего брата-преподавателя. Университетский преподаватель обязательно должен быть активным исследователем. Вкус к научному творчеству нельзя привить студенту, если сам его не имеешь. Актуальный научный поиск находит выражение в чтении лекций под углом проблемного подхода. И это не дидактический прием, а естественный выход научного творчества. Этому требованию идеально соответствовал В. Н. Станко в те далекие годы.

3

На этом же курсе читала нам историю Киевской Руси доцент кафедры истории СССР **Анна Михайловна Шабанова (1933 – 2006)**. Она была притчей во языцех, и из этой притчи следовало, что ее «трудно пройти». Были случаи, когда у нее сдавали экзамен пять и более раз и не сдали. Легенда оказалась вполне достоверной.

Искусству терпения мы учились на лекциях Анны Михайловны. Читала она их размеренным голосом, монотонно. Лекции читались в амфитеатровой 14-й аудитории в здании на Советской Армии (ныне – Преображенская), которое истфак делил в те годы с университетской библиотекой. (Кстати, было очень удобно: после занятий мы плавно перемещались в залы библиотеки и сидели там дотемна). Как сейчас помню: мы, несколько сдружившихся за время колхозной практики ребят, сидели справа, ближе к выходу и откровенно томились. Шла третья пара. За окнами кипела жизнь, а мы добросовестно старались вдумываться, чем закупы отличаются от рядовичей и кто ж такие на самом деле были смерды – свободные крестьяне или нет. Получалось плохо. Мы чувствовали себя галерниками. Рядом со мной сидел крепкий, жизнерадостный парень, ярко выраженный сангвиник Григорий, он же Гоша, Пекарский. Родом с Любашовки. К тому времени ему уже стукнуло 25 лет, то есть он был старше нас, вчерашних школяров, на целую жизнь. Он поступил на истфак с пятого раза. До этого успел побывать в армии, сходить пару раз матросом в море, работал грузчиком в порту. Он первый не выдерживал, начинал бросать реплики, кто-то что-то отвечал, возникал шум. И Анна Михайловна прерывала лекцию, кого-то из нас поднимала и отчитывала. При этом она обещала нам устроить «веселую жизнь» на экзамене. Надо отдать ей должное: она выполнила свое обещание на все сто.

Злокозненный вавилонский царь Хаммурапи придумал свои законы только для того, чтобы мучить советских студентов. Благодаря Анне Михайловне нам показалось, что милейшие древнерусские князья Ярослав Мудрый и К° его значительно «переплюнули», создав свой сборник законов «Русская правда». Анна Михайловна превратила «Русскую правду» в орудие средневековой пытки и сладострастно терзала нас статьями этого кодекса. Я до сих пор помню – и уже никогда не забуду, кто такие были огнищанин, вирник, тиун и, что б ему ни дна ни покрывки, ратайный староста. Помню также, какая вира (штраф) полагалась

за убийство смерда и какая – за убийство огнищанина. Зачем мне эти ценные сведения, сказать не могу.

В своем курсе она явно отдавала предпочтение социально-экономической истории в ущерб политической и практически игнорировала историю культуры Киевской Руси. А ведь это важнейшие разделы, формирующие фундамент исторического сознания отечественного историка, да и к тому же интереснейшие!

Человек – это стиль. Думаю, что не нашлось рядом с Анной Михайловной человека, который убедил бы её скорректировать стиль преподавания. Это очень трудно, но возможно. Она была еще молода и, значит, способна на сомнение. В 1973 году ей было всего лишь сорок. Для преподавания – это только подход к золотому возрасту расцвета.

Я бы, например, перенес детальное изучение правовых отличий категорий зависимого крестьянства на семинарские занятия, а в лекциях постарался бы показать всестороннее значение «Русской правды» как памятника правовой культуры Русского государства, а не только как источника социально-экономических, феодальных отношений. Для этого можно было бы провести сравнение с аналогичными памятниками Западной Европы.

Неужели ее устраивала репутация «грозы студентов»? Строить всю стратегию преподавания на требовательности, наверное, неправильно. Особенно когда речь идет о первом курсе. Известно, что людей ловят на интересы, как рыбу на червя (Горький). Но одно дело – интерес, идущий от романтического восприятия истории, от естественной любознательности, другое – научный интерес. Научный интерес надо еще пробудить, к нему нужно подойти, комбинируя требовательность с применением игровых ситуаций, моделирования, реконструкции и других приемов, развивающих творческое отношение к историческому познанию. А пичкать первокурсников именами и концепциями – в этом пользы мало. Никакого творчества от нас Анна Михайловна не требовала, ибо сама к нему, видимо, была мало способна.

Сейчас, спустя десятки лет, я думаю, что манере А. М. Шабановой скучно читать лекции сопутствовал еще один крупный для университетского преподавателя недостаток: она не имела собственной точки зрения на вопросы, которые разбирала. У Анны Михайловны за плечами была хорошая ленинградская школа. С точки зрения историографии ее лекции были безупречны. Не помню случая, чтобы в течение лекции она не упомянула несколько раз традиционный для нее набор имен: Борис Дмитриевич Греков, Борис Александрович Рыбаков, Михаил Николаевич Тихомиров, Лев Владимирович Черепнин, Владимир Васильевич Мавродин, Серафим Владимирович Юшков, Иван Иванович Смирнов. Она обязательно называла их полностью – по имени, отчеству и фамилии. Если мне не изменяет память, она училась в ЛГУ у В. В. Мавродина. Но не помню случая, чтобы она сказала что-то вроде: несравненный Михаил Николаевич Тихомиров считает так-то, неподражаемый Лев Владимирович Черепнин занял по этому вопросу такую-то позицию, выдающийся авторитет Владимир Васильевич Мавродин (да будет он всегда здоров!) обосновал свой взгляд, а великолепнейшие Серафим Владимирович Юшков и Иван Иванович Смирнов с ним не согласились. Но **Я** полагаю, что все они в этом вопросе ошибаются и вот почему! В ее лекциях

отсутствовало ее собственное «Я». К своим научным кумирам Анна Михайловна относилась, как древние славяне к идолам: она их боготворила.

В компаниях с выпускниками истфака, закончившими его много позднее меня, при упоминании Шабановой, они начинали весело, как пароль, произносить: Тихомиров, Мавродин, Юшков... Анна Михайловна не развивалась! Она законсервировалась, оуклилась, но в бабочку так и не превратилась. Вот в чем, по моему мнению, была ее драма как преподавателя.

Я не помню прозвища Анны Михайловны, по-моему, мы ее никак не обозвали, знаю только, что заочники приклеили ей прозвище «Концепция» - за неумеренное употребление этого слова. В сущности, Анна Михайловна была милостивой, приятной, молодой женщиной, но она не давала нам ни одного шанса взглянуть на нее с этой точки зрения. Тем не менее для меня контакт с Анной Михайловной стал **важным жизненным уроком: есть вещи и люди, которых надо принимать такими, какие они есть.**

4

Заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, профессор **Петр Осипович Карышковский (1921 - 1988)** был легендарной личностью. Историк божьей милостью. В студенческой мифологии он занимал первое место среди всех наших преподавателей благодаря энциклопедизму, знанию живых и древних языков, экстравагантным манерам. Вот уж кто себя не держал «в рамках»! Ярко выраженный эпикуреец, любитель вина и любимец женщин. Ренессансная натура. Ходила легенда, что однажды он пришел к «вечерникам» в серьезном подпитии. Встал перед студентами, оперся рукой о стол для равновесия и начал читать лекцию... на латыни. Студенты быстро сообразили, в чем дело, и терпеливо слушали его, ничего не понимая.

Он имел манеру читать по дороге на работу. Высокого роста, худощавый, в очках с толстыми стеклами в роговой оправе он ходил быстрой походкой, переваливаясь с ноги на ногу, как утка. При этом держал перед собой книгу и читал. Мог увлечься и врезаться в какое-нибудь препятствие, например, в столб. Тогда он производил коррекцию своего маршрута и продолжал движение дальше в том же положении, то есть с книгой перед глазами. И ничто его не отвлекало!

Еще при жизни его признавали выдающимся ученым и, судя по всему, это не было натяжкой. Во всяком случае, поговаривали, что у него была коллекция античных монет, который мог бы позавидовать крупный музей. Ну, соответственно, и нумизматом он был мирового класса.

Я слушал его курс по истории Древнего Рима, когда ему было 53 года. Как ученый и лектор он был тогда в блестящей форме. Сказать, что он много знал - значит ничего не сказать. Он рассказывал с такими подробностями и деталями о жизни римлян, как будто только вчера вернулся из путешествия по древнему Риму на машине времени. Он с удовольствием нам пересказывал «свежие» римские анекдоты, которые подслушал во время своего путешествия. Главный интерес истории составляют не процессы и институты, а люди, активные деятели, герои в историческом смысле слова. Мы хотели иметь точное представление, что за люди были римляне. Благодаря каким свойствам этого народа они смогли создать мировую империю, неизменно побеждая своих

врагов. И Петр Осипович сполна удовлетворял наш интерес. Мы слушали, затаив дыхание, получая истинное удовольствие от таких лекций.

Я уже сказал и хочу еще раз подчеркнуть, что высококлассного историка отличает знание исторических деталей. Вот я читаю свой изрядно пожелтевший конспект первой лекции Петра Осиповича. Она была посвящена историографии Рима. Мэтр говорил: *«Римляне писали на крахмаленном полотне густыми чернилами. Таким образом писалась государственная летопись»*. Кажется бы, незначительная деталь, но она вводит нас в древнеримскую цивилизацию. Ведь наша цивилизация до последнего времени была бумажной. Бумага для нас естественный материал для закрепления своей культуры. А римляне писали на полотне, египтяне – на папирусе и камне, ассирийцы – на глиняных табличках, древние славяне – на пергаменте и бересте.

Далее. *«Наиболее известным историком из старшего поколения анналистов был Фабий Пиктор, живший в III до н. э. Он писал римскую историю на греческом языке»*. Во как! Не на государственном языке. А Рим – это сверхдержава древнего мира наподобие современной Америки. Впрочем, Пиктору повезло: он жил в условиях древнеримской, а не украинской, демократии.

Еще одна цитата из конспекта лекции Карышковского: *«Младшие анналисты писали в эпоху Суллы (в 80 – 70-е гг. I в. до н. э.). Их отличает то, что они часто выдумывают связные занимательные рассказы, красивые легенды, сплошь и рядом подделывают факты»*. И это нам хорошо знакомо и понятно по современному периоду украинской историографии. Ах, Петр Осипович, как Вас не хватает на сегодняшнем истфаке!

...Спустя некоторое время, листая конспекты лекций Карышковского, я поймал себя на одной мысли. В сравнении с блистательным Петром Осиповичем Анна Михайловна Шабанова выглядела серой мышкой, но вот что любопытно: от ее курса у меня остались конспекты ее лекций и еще толстая тетрадь с конспектами работ рекомендованных ею авторов, а вот после Петра Осиповича я обнаружил в своей, специально отведенной под его курс, толстой тетради жалкие отрывки лекций. Она не была заполнена и на одну пятую часть.

Помню, какую сочную характеристику он дал всемогущему диктатору Сулле. Под конец своей жизни от нестерпимого зуда кожи Сулла большую часть дня проводил в ванне, а из его кожи под действием горячей воды выползали черви. Человек гнил заживо. Кошмар! Так вот, та двухчасовая лекция о сулланском режиме в моем конспекте уложилась в одну строчку: *«78 г. до н. э. Скончался диктатор Сулла»*. Все.

Свои эмоции от его лекций помню, а их содержание выветрилось напрочь. Петр Осипович артистически читал лекции, демонстрируя в самом выгодном свете свою потрясающую эрудицию. Мы просто забывали конспектировать и слушали, разинув рот, пребывая в полном восторге. Он, подобно волшебнику, захватывал нас и уносил в далекие миры, но... не учил. Артист, премьер, орел, но... не учитель!

Абсолютно не помню, как я сдавал ему экзамен. Кажется, он не вел у нас семинары. У меня сложилось мнение, что метод работы Карышковского со студентами заключался в том, что он не выделял никого из общей массы до тех пор, пока кто-то сам не выделялся и не начинал «доставать» его своими

вопросами. Тогда он давал совет по поводу библиографии - почитать то-то и того-то. Если студент вновь появлялся перед ним и задавал осмысленные вопросы, он начинал приглядываться к такому студенту; следующий этап - он узнавал его в коридоре... Я думаю, это правильно.

Урок третий. *Мастер должен ценить собственное время и, как говорится, не метать бисер перед свиньями.* У преподавателя и студента задача, в общем-то, аналогичная: преподаватель ищет «своего» ученика, а студент – «своего» учителя. И оба одинаково испытывают «глубокое удовлетворение», если поиск увенчался успехом.

Я как-то зашел на кафедру истории древнего мира и стал невольным свидетелем картины, где Петр Осипович возбужденно показывал всем присутствующим то место в томе полного собрания сочинений Ленина, где вождь резко негативно отзывался об авангардной поэзии «горлана революции» Маяковского. Петр Осипович с явным одобрением цитировал это место. Видно, ему импонировало, что вождь оценивал стихи Маяковского не с партийной точки зрения, а с эстетической, и они Ленину, воспитанному на русской классике, не нравились. Маяковский в известной поэме написал: «Я себя под Лениным чищу», а Петр Осипович, судя по всему, терпеть не мог интеллигенции, находящейся в услужении власти. С другой стороны, и Пушкин удостоился его порицания в связи с известной эпиграммой на губернатора графа М. С. Воронцова («полуподлец, полуневежда...»). Все же гению порядочность не повредит.

ПэО (так в стиле аббревиатуры величали Карышковского в его ближнем кругу) жизнь медом не казалась. У него были серьезнейшие проблемы в личной жизни. Против него была настроена декан З. В. Першина. Его боготворили студенты, но он испытывал на себе отчужденность многих преподавателей. Преподаватели-фронтвики не могли простить ему «греха»: в годы оккупации Одессы он учился в университете, который организовали румыны. Ему это вменялось в вину чуть ли не как коллаборационизм. По-моему, здесь примешивалась зависть к его феноменальному таланту. Ему отказывали в приеме в партию, то есть сама Система оказывала ему недоверие. Но все это, я полагаю, не могло генерально портить ему жизнь. Для человека уровня Петра Осиповича понятие карьеры слишком мелко, чтобы оно могло задевать его честолюбие. Он был Историком и знал на многих примерах истинный масштаб бедствий, отпущенных человеку. Он жил в эпоху сталинизма и был свидетелем того, как круто Система обходилась с людьми, забравшимися слишком высоко по карьерной лестнице. По сравнению с ними у него были мелкие неприятности. Если и могло что-то доставлять ему настоящую боль, то это проблема собственного таланта, то есть проблема нереализованности. Я не был близок к ПэО и могу в этом случае строить лишь одни предположения. Его библиография насчитывает более 170 названий. Но среди них нет ни одной крупной работы, достойной уровня его одаренности, мощи его интеллекта, широты познаний. Ни одной обобщающей работы по истории Рима, Византии, русско-византийских или русско-болгарских отношений. Нумизматика, согласитесь, слишком узкая специальность, чтобы вместить Петра Осиповича. Ни одного широкого полотна, достойного кисти такого мастера! Нереализованность – это бич провинции. Нереализованность –

это червь, который выгрызает душу изнутри, поскольку свободный человек сам себе тюремщик.

...Скоро будет уже четверть века с тех пор, как Петр Осипович ушел из жизни. Ни одного антиковеда его уровня сегодня нет во всей Украине. И когда появится, и появится ли вообще – сказать трудно. Кстати, ни одной книги, даже маленькой книжонки о нем до сих не вышло. А ведь немало людей считают удачей своей жизни личное знакомство с ним. Мне кажется, что настало время объединиться всем тем, кто его близко знал, с единственной целью: написать большую книгу-исследование о легендарном ПэО. Это – наш общий долг перед памятью Петра Осиповича, и перед Факультетом, и перед всей Одессой, истинным сыном которой он был.

5

Историю средних веков нам преподавала незабвенная **Ирина Владимировна Завьялова**, женщина серьезного возраста, о чем говорило ее прозвище «Старушка». Стройная, старомодная, даже чопорная, с необычайно голубыми, живыми глазами, она была по отношению к студентам требовательной, энергичной, местами даже суровой. Она не терпела разгильдяйства, неорганизованности, безразличия. Ее резких «определений» боялись. Она могла сказать обидные слова, но обижаться на нее было не принято. «Вам надо в зоопарк жирафа посмотреть!» - кричала она нерадивому студенту. Такой она мне запомнилась.

Она учила нас анализировать первоисточники, организовывать свою самостоятельную работу. С этой целью она не жалела времени на проверку наших конспектов. Она давала нам творческие задания, которые требовали от нас как бы вживаться в эпохи раннего европейского феодализма, крестовых походов, итальянского возрождения. Ее семинары были, пожалуй, интереснее, чем ее лекции, хотя и к ним у меня нет претензий. И вот когда встречаешь такой уровень преподавания, когда требовательность сочетается с глубоким знанием предмета, то включаешься в работу, чтобы соответствовать этому уровню, начинаешь самостоятельно читать и конспектировать вещи сверх обязательной программы.

С Ириной Владимировной связаны два ярких впечатления моей учебы на истфаке.

Первое – это написание мной курсовой работы о флорентийских художниках Джотто и Мазаччо. В течение учебы на истфаке я писал несколько курсовых работ, но запомнил только эту. Почему я выбрал культурологическую тему? Исключительно потому, что ничего не знал об этих художниках, кроме того, что они были предшественниками великого Леонардо. Я был рад погрузиться в великолепнейшую эпоху Возрождения, которая породила целое скопление суперзвезд живописи и скульптуры на ничтожном клочке земли под названием Италия. Они действительно возродили античный культ красоты, но вложили в него свое, христианское, мироощущение. Главным моим экспертом по теме работы стал автор трактата «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари (1511-1574). Свой очерк о Джотто он начал так: «Мы должны, как мне думается, быть обязанными Джотто, живописцу флорентийскому, ибо <...> поистине чудом величайшим было то, что век тот, и грубый, и неумелый, возымел силу проявить себя через Джотто столь мудро, что

рисунок, о котором люди того времени имели немного или вовсе никакого понятия, благодаря ему полностью вернулся к жизни».

Почувствуйте вкус, как почувствовал его я, к средневековому письму и манере мыслить, в нем адекватно выразившейся! С одной стороны - витиевато, пышно, пафосно, велеречиво, цветисто, с выкрутасами... А с другой – сразу же, без разгона – быка за рога: чем мы обязаны художнику Джотто, жившему в конце XIII – первой трети XIV в. Действительно, если мы ему ничем не обязаны, то зачем о нем писать? А мы ему обязаны ни много ни мало тем, что он заново научил нас рисовать. А чем мы обязаны Мазаччо? Мы ему обязаны «доброй манерой живописи». Итак, Джотто научил нас рисовать, а Мазаччо раскрашивать рисунок красками, *живописать*.

Для меня было очевидно, что наука – это то, что европейское человечество приобрело в Новое время, а культура – это то, чем оно располагало в эпоху Средневековья. Именно тогда был выработан идеал совершенной духовной личности, и с тех пор он остается для нас недостижимым. Если вы хотите повысить свой культурный уровень, то вы просто обязаны обратить свой взор в Средневековье. Оттуда происходят образы, понятия, критерии и смыслы, образующие каркас современной европейской культуры.

Второе впечатление связано с одним заседанием кружка по истории Средневековья, который вела И. В. Завьялова. Я учился на третьем курсе. Экзамен Завьяловой мы сдали в летнюю сессию за второй курс. Поэтому студентов было мало. Увы, и в наше время студенты были неприлично прагматичны. Из настоящих кружковцев я запомнил Иру Немченко. (Ныне Ирина Викторовна заведует кафедрой древнего мира и средних веков на истфаке). Она училась на курс старше, была старостой кружка. Сидела вместе со своей подружкой. Имени последней я не помню. По-моему, ее фамилия была Жебеленко. В тот раз «темой» заседания был Вольтер, тот самый - Франсуа Мария Аруэ. И докладчиком был не кто-нибудь, а сам Петр Осипович Карышковский. На заседание кружка пришел доцент Вадим Сергеевич Алексеев-Попов, признанный знаток эпохи Просвещения.

Петр Осипович поставил на трибунку перед собой знаменитый бюстик Вольтера: старик с объемным лысым черепом и худой, жилистой шеей, в античных одеяниях, смотрящий на мир всепонимающими глазами и при этом язвительно улыбающийся тонкими губами. Эта змеиная улыбка Вольтера не менее загадочна и притягательна, чем улыбка Джоконды. ПэО на пару с Вольтером смотрелись неплохо.

Начал Петр Осипович свой доклад с того, что дал широкую панораму Европы середины XVIII в. вплоть до гиперборейских далей вечно снежной России. И вся она, Европа, была скована сном разума, который кое-где подсвечивался кострами инквизиции. Затем он сосредоточился на Франции. В отсутствие свободных установлений страдают не только низшие, но и высшие сословия. Аристократия в салонах начала критику режима абсолютизма. Вольтер подхватил ее и сделал достоянием общественного мнения всей Франции, более того – всей Европы. Собственно говоря, общественное мнение

как феномен гражданского общества формировалось вокруг того, о чем писал и говорил Вольтер. Он разработал и провел успешные испытания нового оружия – оружия критики словом, саркастическим смехом, аргументом здравого смысла. Вся Франция смеялась над тем, над чем он смеялся. Он бесстрашно указал на могущественную католическую церковь и бросил клич: «Раздавите гадину!».

В аудитории была ниша, в ней стояла маленькая колонка с бюстом Ленина. Войдя в раж, большой и нескладный Петр Осипович умудрился влезть в эту нишу за колонку и оттуда, возвышаясь над бюстом вождя, выпучив глаза, бросал страшные слова. Он явно был в крайнем эмоциональном возбуждении и говорил вещи, лично его задевавшие. Он восхищался Вольтером, его свободой во всех ее аспектах: жизнелюбием, духовной энергией, колоссальной работоспособностью, разнообразием интересов, независимостью от мнения королей. Наоборот, это их репутация зависела от его мнения. Не он был на уровне века, а век подтягивался до его уровня. Он стал истинным королем Франции, поскольку был королем общественного мнения, от которого и венценосные особы зависели явным образом. Петр Осипович достиг апофеоза в своем экстазе. Ему нравился Вольтер как человек, живший полнокровной жизнью, не боявшийся «грешить», презревший предрассудки и лицемерие своего века. На его стороне были только сила разума и таланта. Он вступил в, казалось, абсолютно безнадежный поединок с могущественной католической церковью, осуществлявшей тотальный идеологический контроль над словами и мыслями людей. В этом отношении историка к Вольтеру сквозило много личного и... общественного, если вспомнить, что роль КПСС была аналогична роли средневековой католической церкви в Европе. Я взглянул в этот момент на Ирину Владимировну. Она улыбалась. Она тихо восторгалась. В ее глазах читалась влюбленность.

Но это была только прелюдия. В разговор вступил Вадим Сергеевич. И закрутилось! Все знали, что он был поклонник Жан-Жака Руссо. Вольтер или Руссо – «кто более матери-истории дорог?» Разгорелся нешуточный спор. Два главных идеолога эпохи Французского Просвещения при жизни ненавидели друг друга. Вольтер смотрел на Руссо как на злобного сумасшедшего. Руссо говорил о Вольтере, что это «прекрасный ум и низкая душа». В персонах Карышковского и Алексеева-Попова они обрели прекрасных адвокатов.

Кто-то должен был расплатиться за набеги барских кроликов на поля фермеров, за королевский фаворитизм и прочие «шалости» дворянского класса. Привилегии, все до единой, противны веленьям человеческого разума – такой вывод философов-энциклопедистов был приговором для феодальной системы власти, основанной на принципе привилегии. Именно с этого момента обретает силу философия Руссо с ее центральным принципом Справедливости и Равенства.

Если бы не было аристократии, не было бы и Вольтера. Он всей душой принадлежал этому сословию – не по происхождению, а по своему духу, по своей культурной интенции. Руссо ненавидел аристократию, она оскорбляла его чувство равенства. Руссо под именем «общей воли» возвел народ в божество.

Вольтер в народе прозревал чернь, которую опасно распалить революционными призывами. По идеологическому рисунку Вольтер был протолиберал, а Руссо – протосоциалист, причем большевистского толка.

Карышковскому решительно не нравился Руссо и как мыслитель, и как человек: сентиментальный, плаксивый, вечно жалующийся на свою судьбу, склонный к мизантропии старик. Видевший в предметах цивилизации лишь инструменты разврата и культурного вырождения, Руссо в принципе не мог радоваться жизни.

Можно только подивиться иронии истории. «Человек со Слободки» Петр Осипович оказался «вольтерьянцем», поклонником аристократического начала, а урожденный дворянин Вадим Сергеевич - руссоистом, сторонником демократического принципа.

Конкретных реплик спорщиков и чем, собственно, закончился спор я, конечно, не запомнил. Да это и не важно, важно то потрясающее впечатление, которое я получил от столкновения умов и характеров двух ученых мужей. Это был настоящий агон в античном понимании этого слова. И мне, признаюсь, ужасно захотелось стать таким же поединщиком, вооруженным «до зубов» фактами и аргументами.

6

Упомянутый **Вадим Сергеевич Алексеев-Попов (1912 – 1982)** был еще одним выдающимся персонажем старшей плеяды истфаковских преподавателей. О нем мы были весьма наслышаны и заранее трепетали. Он пришел к нам на третьем курсе. От предыдущих поколений студентов ему досталось прозвище «Алеша Попович». Впрочем, в нашем кругу мы его так не называли. Маленький, сухонький, с хохолком редких непричесанных волос на голове, он походил на Суворова в цивильном. Он не считал нужным скрывать своего раздражения и бурно возмущался, если мы не дорабатывали. Почтенный возраст (ему было больше 60-ти лет) давал ему на это законное право. Рассказывали, что однажды, находясь в нервном возбуждении, Вадим Сергеевич вытащил из внутреннего кармана пиджака только что полученную зарплату и со словами «зачем мне государство платит, если я не могу вас ничему научить!» бросил деньги так, что они веером разлетелись по аудитории. Зато, если он выделял кого-то из нас в лучшую сторону, то одаривал своим доверием. Я сам испытал на себе это доверие. Два-три удачных ответа на семинаре, конспект, который он оценил на «отлично», - этого оказалось достаточно, чтобы он зачислил меня в «свои» студенты. В результате я был приглашен к нему домой. Он показал мне свою обширную библиотеку, дал из нее книги почитать. На экзамене мне попался билет, третьего вопроса которого я практически не знал. Но кредит доверия со стороны Вадима Сергеевича был ко мне так велик, что до третьего вопроса дело не дошло.

Урок братьям нашим младшим, студентам: *в течение семестра учитесь так, чтобы на экзамене в трудной ситуации к вам на выручку пришел сам экзаменатор. Причем желательно, чтобы он об этом даже не подозревал.*

В. С. Алексеев-Попов читал нам, как сейчас принято говорить, свой авторский курс. О, тогда это была большая ересь! В нарушение жесткого требования неукоснительно придерживаться министерской программы курса большую часть лекционного времени он отводил освещению идеологии эпохи французского Просвещения и Великой Французской революции, ее основными линиями – консервативной, жирондистской и якобинской. Судя по всему, его самого интересовал феномен идеологии. Помню, на семинарах он ставил нам задачу провести сравнение английской и французской революций и объяснить, почему первая осуществлялась, как он выражался, «в религиозной рубашке», а вторая носила ярко выраженный атеистический характер и проходила под лозунгом: «Долой религию, да здравствует разум!». Для анализа революций Вадим Сергеевич применял методологию, почерпнутую в работах К. Маркса. Последний в его глазах был великим мыслителем.

Конечно, на первом месте у него шел его любимый Жан-Жак Руссо. Надо сказать, что Алексеев-Попов был весьма учен в этом вопросе. Он перевел с французского трактаты Ж.-Ж. Руссо, дал комментарий к ним, написал большую вступительную статью*. Известно, что ему помогал работать над переводом эмигрировавший из Франции Николай Алексеевич Полторацкий (1909-1991). До сих эта книга переиздается в России в его переводе и с его комментариями. Собственно говоря, это его главный вклад в науку. По неизвестным мне причинам Вадим Сергеевич, к сожалению, очень редко публиковался. Я считал и до сих пор так считаю, что причиной тому – высокая требовательность к себе как ученому. Между тем он располагал авторитетом среди своих коллег-специалистов как в Союзе, так и во Франции. Его знали, с ним считались, спрашивали его совета крупные научные авторитеты. Я полагаю, что исследовательский и педагогический аспекты в преподавательской работе В. С. Алексеева-Попова были удачно сбалансированы.

Вадим Сергеевич возглавлял в Одессе отделение Общества советско-французской дружбы, неоднократно бывал во Франции, конечно, имел личные знакомства с тамошними специалистами по истории Французской революции, поддерживал с ними переписку. Однажды после занятий он показал нам в аудитории привезенный из Франции фильм об этой революции. Фильм не был дублирован. По ходу показа он несколько раз прерывал его и комментировал только что увиденное. Фильм был игровой, но с соблюдением всех исторических деталей, с тщательным подбором актеров на роли главных исторических персонажей – Марата, Дантона, Робеспьера, Сен-Жюста, Демулена, Кутона, Ролана и его жены, молодого Наполеона. У меня с тех пор такое чувство, что я лично был знаком с ними. В фильме были мастерски воссозданы дух революции, ее бешеный темпоритм, изломы, моменты торжества, предательства и трагедии. То есть передано величие Революции, изменившей раз и навсегда историю Европы. Я утверждаю, что без кровавой Французской революции, десятилетий наполеоновских войн, истощивших французскую нацию донельзя, не было бы современной цивилизованной Европы, в которую так стремятся попасть сегодня некоторые наши соотечественники, что даже штаны на коленях порвали. Потому что в другой позе их туда не пускают.

Вадим Сергеевич думал, что история как наука сильно зависит от искусства писательства. Историк должен выражать свою мысль так, чтобы в голове

возникал яркий образ. Собственно, от Алексеева-Попова я впервые услышал это слово – *мыслеобраз*. В качестве образца мыслеобраза В. С. Алексеев-Попов цитировал нам из «Манифеста Коммунистической партии»:

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой».

А, действительно, здорово писал К. Маркс! И как точно этот мыслеобраз ложится на, к сожалению, нашу современную буржуазную действительность. Вадим Сергеевич советовал нам, тогдашним студентам: не откладывая на потом читать классическую литературу. «Если вы сейчас не прочтете Расина и Мольера, вы никогда в жизни его уже не прочтете», - говорил Алексеев-Попов. Как он был прав! Если Мольер еще где-то и как-то, то Расин нигде и никак. А между прочим надо еще понять, почему Расин, ныне совершенно неинтересный и не востребовавшийся, был в свое время властителем дум. Тексты его произведений являются культурным ключом к пониманию его эпохи.

Вадим Сергеевич был в сущности одинокий человек. Университет, работа держали его в этой жизни. Я уже тогда понял, что Алексеев-Попов отнюдь не брюзжащий, вредный старик, а носитель огромных знаний, озабоченный проблемой кому-то их передать. Он *переживал*, потому что времени у него оставалось совсем немного. Здоровье его подводило. Он часто болел. Пару раз во время лекции с ним случался обморок, и его под руки выводили из аудитории.

Он был не только одесским историком, но и историком культуры Одессы. Главным ее разделом является, безусловно, одесская пушкинистика. В книге «Въеварум» (М., 1975) Натан Эйдельман описывает свои поиски пушкинских связей и, чем черт не шутит, вещей в Одессе в 1968 году. Вот выдержка оттуда: «6 МАЯ. Целый день - в научной библиотеке. Копирую записки Еропкиной. Знакомлюсь с приятнейшими людьми, одесскими историками Вадимом Сергеевичем Алексеевым-Поповым и Саулом Яковлевичем Боровым. Их адреса мне дали в Москве (мой пароль: «Пушкин. Цявловские, Еропкина, Сомовы»). <...> В. С. Алексеев-Попов - коллекционер. Он показывает мне портрет Надежды Михайловны Еропкиной очень недурной работы. Разговор заходит об искусстве, и вдруг С. Я. Боровой предлагает отправиться на одну старую квартиру. Если уж там ничего не скажут о Воронцове и саранче, то не скажут нигде в Одессе, «а за Херсон и Николаев мы, конечно, не ручаемся».

Одесский краевед Михаил Бинов также ссылался на В. С. Алексеева Попова, как на «истого интеллигента, энциклопедически образованного человека», специально исследовавшего многочисленные культурные и родственные связи известных одесситов.

И последний сюжет. Вадим Сергеевич был интеллигент. Здесь прежде всего имеется в виду, что интеллигент – это человек, который постоянно решает для себя проблему достойного существования, нравственного комфорта, согласия со своей совестью.

Ниже я коснусь фактов и событий, о которых в их бытность я ничего не знал. Речь пойдет о «деле» группы одесских студентов, которых арестовали в 1974 г. по обвинению в хранении и распространении запрещенной литературы (самиздата). Среди них был известный ныне кремлевский политехнолог Глеб Павловский. Он учился на истфаке как раз до моего поступления и был старостой кружка по новой истории, которым руководил В. С. Алексеев-Попов. И после окончания университета Павловский поддерживал отношения с Вадимом Сергеевичем.

В начале августа 1974 г. Алексеева-Попова остановили на улице сотрудники КГБ. «Нам известно, - сказали ему, - что у Вас есть экземпляр «Архипелага ГУЛаг». Вы должны немедленно сдать его в Комитет госбезопасности». Он так и сделал. При этом ему пришлось сделать признание, что книгу дал Г. Павловский. На процессе по делу другого участника этой группы Вячеслава Игрунова в марте 1975 г. Г. Павловский заявил, что он без ведома Игрунова дал прочесть книгу Алексееву-Попову, чтобы услышать его мнение как историка. Сам Вадим Сергеевич к суду в связи с болезнью привлечен не был и проходил только в качестве свидетеля. В суде были приведены его показания. В частности, о книге Солженицына он отозвался как о «тенденциозной», «злостно искажавшей жизнь страны».

Судебный процесс над В. Игруновым шел в 1975 году, то есть именно в том году, в котором мы слушали курс лекций В. С. Алексеева-Попова. Как эта диссидентская история повлияла на старого преподавателя? «Убийственно», - считает Ольга Ильницкая, бывшая в то время женой Г. Павловского. На вопрос, кого она вспоминает из круга людей 70-х – нач. 80-х гг., О. Ильницкая отвечала так:

- Вадим Сергеевич Алексеев-Попов. Это доцент Одесского университета. Он преподавал у нас новую и новейшую историю и был очень сложным преподавателем - у него сложно было получить положительную оценку. И очень трудно было сдавать экзамены. И мы как-то сразу его заметили, потому что это был человек очень высокой культуры. Мне казалось, что мы правильно его сосчитали. Потому что те люди, которых выбирали СИДовцы, это люди оказывались связаны. Оказалось, что Вадим Сергеевич дружил с Михаилом Яковлевичем (Гефтером – Г.Г.). И цепь замкнулась. И поэтому мы обрели сразу таких прекрасных старших людей. Он очень пострадал в связи с нами, потому что это из нашего дома ушел «Архипелаг Гулаг», который попал от Вячека к нам. И вот эта цепь Вячек - Алексеев-Попов и наш дом с Глебом - это то, что привело, с моей точки зрения, Вадима Сергеевича к смерти. Не больше, не меньше.

...Люди просто сами не умирают, их жизнь убивает, а жизнь убивает посредством других людей. Вадим Сергеевич очень остро переживал все, что случилось тогда с ним. Когда у него изъяли во время обыска книгу, он жутко переживал - он не мог не ответить на вопрос, где он взял. Честный человек, который при всем понимании, чем это чревато... Вероятно, он никак не придумал, как выйти из этого положения - ну не с неба же свалилось. И он очень мучительно переживал тот факт, что он сказал, откуда эта книга. Он очень мучился, я с ним разговаривала. А он был астматиком, вообще человеком не очень крепкого здоровья. И вот он как-то стал угасать после этого. Он очень быстро после этого умер. У меня было такое чувство вины перед Вадимом

Сергеевичем, что я даже не смогла придти на его поминки. Я все время чувствовала нашу причастность к его гибели, хотя человек просто умер от болезни*.

Думаю, Ольга Ильницкая напрасно себя корит. Напомню, суд состоялся в 1975 году, а Алексеев-Попов ушел из жизни в 1982-м, то есть спустя семь лет. Многие вещи навсегда покрыты мраком тайны. У В. С. Алексеева-Попова были, кажется, весьма «интересные» взаимоотношения с нашими бдительными органами. Они подозревали его в «скрытом троцкизме и космополитизме». Тем не менее его выпускали за границу и не куда-нибудь, а в Берлин и Марсель, где он участвовал в научных семинарах. Впрочем, я нисколько не намерен отрицать нравственных переживаний Вадима Сергеевича, усугубивших его нездоровье. Более того, хочу подчеркнуть, что эти переживания были чисто интеллигентского свойства, поскольку он не мог не понимать, что не он вывел органы госбезопасности на Павловского, а наоборот - к нему пришли, потому что доподлинно знали, что запрещенная книга у него. Но простить себе самому слабости, растерянности и страха он не мог.

7

Надо сказать, что просто история как описание феноменального мира меня не устраивала. Меня тянуло на глубину, где сияют своим таинственным блеском онтологические структуры. Готовя себя «в ученые», я считал, что методология истории в самой истории не содержится, ее надо искать в философии. Поэтому третий и четвертый курсы у меня прошли под знаком философии. А философия у нас была представлена историей философии, диалектическим и историческим материализмом.

Историю философии читал нам молодой профессор **Владимир Николаевич Костюк**. По моей прикидке, тогда ему было 39 лет. С первого взгляда было ясно, что перед нами незаурядная личность*. Он читал историю философии весело, с интеллектуальным блеском, как увлекательное приключение мысли, которая путешествует из одной эпохи в другую, «переодеваясь» соответственно времени. Философ – человек на все времена.

Под впечатлением от лекций В. Н. Костюка я погрузился в чтение древних философов в надежде почерпнуть у них мудрости. Нельзя сказать, что именно Костюк вызвал у меня интерес к философии, просто он вовремя «подбросил дровишки в разгорающийся костер». Для начала я прочитал и законспектировал диалог Платона «Апология Сократа». С тех пор я открыл для себя Платона, а личность Сократа навсегда сделалась фактом моей личной культуры, читай: нравственности. Идти на смерть ради своих принципов, утверждать свою свободу в экстремальных условиях могут только люди, убежденные, что основу жизни человека составляют абсолютные ценности. Большинство людей не готовы жить с абсолютами в душе, и все, что с нами происходит сегодня плохого, проистекает из этой неготовности.

Знаменитый монолог Гамлета у Шекспира начинается словами: «Быть или не быть – вот в чем вопрос». Каково было мое удивление, когда я прочел слова Парменида, сказанные в VI в. до н. э.: «Быть или вовсе не быть – вот здесь разрешенье вопроса». Похоже, есть основание заподозрить великого драматурга

в плагиате. Впрочем, дело не в этом. Просто тема «вечная»: чтобы человеку быть, надо человеком быть.

Еще у одного знаменитого древнего грека, Эпикура, прочел я слова, полностью созвучные моему тогдашнему умонастроению. Из письма к Менекею: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией, ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души».

Признаком высокого класса лектора-преподавателя является способность «зацепить» студента, вызвать у него неистребимое желание погрузиться в книги, чтобы узнать из них больше о том, что услышал на лекции.

Курс диамата начал читать нам также В. Н. Костюк, но дочитать его до конца, к большому сожалению для нас, он не смог, поскольку был приглашен на работу в Москву. Вместо него кафедра философии прислала преподавателя по фамилии Зуев. Разница, что называется, была ощутимой. Замечательной особенностью преподавания Костюка было то, что он о сложных вещах говорил просто, давал ясные и четкие формулировки. Зуев был маленький, щуплый человечек, которого, судя по всему, изводила какая-то серьезная хвороба. Из-за внешнего вида мы его прозвали «жертвой Бухенвальда». Зуев имел манеру быстро ходить между рядов. Из того, что он говорил, половину понять было невозможно. Через пятнадцать минут лекции он резко останавливался, замирал, смотрел на доску, где начертал, видимо, магические для себя знаки, оборачивался и извиняющимся голосом говорил: «Нет, это не так. Зачеркните все. Начнем сначала». Следующий отрезок из пятнадцати минут заканчивался все тем же: «Зачеркните все, что вы написали!». В конце лекции я обзирал свой конспект. Он имел жалкий вид перечеркнутых страниц. На примере Зуева я усвоил **урок**: *не всегда следует демонстрировать студентам свой поток сознания, а то может возникнуть впечатление, что вы бредите наяву.*

Истмат нам читала профессор **Ирина Марковна Попова (1931-2008)**. Я хорошо запомнил, как мы с ней познакомились. Она начала нам читать первую лекцию. Манера чтения у нее была суховатая, неэмоциональная. В перерыве между полупарами я вышел в коридор и оперся спиной на перила лестницы. Позже из аудитории вышла она, немного постояла у стенда, затем решительно направилась ко мне и спросила мое мнение о том, понравилось ли мне то, как она преподносит материал. Я был уверен, что передо мной вчерашняя аспирантка, начинающий преподаватель, поэтому покровительственно успокоил: «Ничего, для начала неплохо». Каково же было мое смущение, когда в расписании занятий я прочитал: «проф. И. М. Попова».

После третьего курса я по ее приглашению участвовал в социологическом исследовании, проводил анкетирование в селах Красноокнянского района Одесской области. Это была целая эпопея. На основании полученных данных написал работу на республиканский конкурс студенческих работ. В Киеве ее оценили дипломом второй степени. Университет наградил меня первой и единственной в моей жизни денежной премией за активное участие в студенческой науке. Мы ее славно пропили в ресторане «Кавказ», который был тогда на улице Степана Халтурина, ныне Гаванной.

Ирина Марковна Попова была крупным ученым-социологом, настоящим профессионалом. Естественно, я присматривался к ее мыслительной технике.

Ирина Марковна имела чисто позитивистский склад ума. Её метод хорошо характеризует словечко «корректно». Нужно корректно использовать понятия для интерпретации полученных полевых данных. Для этого нужно из категориального аппарата выстраивать собственную методологическую призму. Методологию надо «вытаскивать» из собственного исследования. Мне кажется, что к этой мысли я пришел не без влияния Ирины Марковны.

Методологическая культура – это культура работы с понятиями, категориями. Без нее качественное научное исследование невозможно. К сожалению, в мое время среди историков на факультете не было человека, который смог бы донести до нас важность методологического инструментария. Принцип историзма – вот и все, чем мы реально располагали. Но были философы и была философская культура. И, слава Богу, что на моем студенческом пути встретились такие личности, как В. Н. Костюк и И. М. Попова.

Оглядываясь на пройденный путь, я с удивлением отмечаю, что мое увлечение философией во время учебы на историческом факультете вылилось, в конце концов, в то, чем я теперь уже много лет занимаюсь – в преподавание истории политической мысли, в разработку вопросов теории политической философии.

8

Было бы странно, если бы среди тех, кто оставил яркий след в моей душе, не нашлось места декану исторического факультета **Заире Валентиновне Першиной (1925-2003)**. Она была деканом очень долго, лет пятнадцать, практически целую эпоху.

Заира Валентиновна имела выразительную внешность. Чуть полноватая, темноволосая, красивая, ухоженная и властная женщина. Глаза карие с зеленоватым оттенком, холодные, цепкие, взгляд пронизывающий, я бы даже сказал, пронизывающий, губы тонкие, всегда готовые скривиться в презрительную усмешку. Булгаковский профессор Преображенский признавался в том, что «не любит пролетариат». З. В. Першина (ЗВП) таких заявлений не делала, но пролетариат она точно не любила, хотя и написала историю завода имени Январского Восстания. Она была, что называется, женщиной из первого ряда. В ней было что-то от барыни. Берите больше: *Императрица!* Её аналог в мире природы – хищная кошка, тигрица. На всех языках мира облик Заиры (так мы звали ее между собой) сигнализировал студентам истфака: «Осторожно! Опасно для жизни!»

У Герцена есть высказывание (цитирую по памяти): в России трудно сказать, где заканчивается интеллигенция и начинается администрация. В случае с ЗВП можно определенно утверждать, что она решительно перешла эту границу и заняла свое место в рядах администрации. Интеллигентом она не была. Подозреваю, что интеллигенты ей были неприятны как альтернативный тип ее поведению. Но зато она была умна, хорошо разбиралась в людях и, когда ей было нужно, талантливо играла интеллигентность.

ЗВП уверенно руководила факультетом, культивировала византийский стиль управления. Мастер интриги. Она поддерживала жизнь во вверенном ей коллективе, как лесничий на своем участке. Кого нужно – «отстреливала», кого нужно – «прикармливала». Кого нужно? Ну, это вопрос не ко мне. Спокойно никто себя не чувствовал. Так, даже студенты знали, что она была «в контрах»

со многими преподавателями. «Шахинечка!», - тихо под нос шипел Вукашин Миравевич Милич таким тоном, что было ясно, что этот югославский политэмигрант, пострадавший от тоталитарного режима Й. Б. Тито, значительную толику своей ненависти к этому режиму перенес на Заиру Валентиновну. Петр Осипович Карышковский, когда был не в духе, мог грубо ругнуться в адрес ЗВП. Ей, конечно, об этом доносили. От Милича, будь ее воля, она давно бы избавилась, а Карышковского она не «тронула» бы при любых обстоятельствах. Я же говорю: она была умная женщина.

Кстати, византийская система управления не просто нуждается в негласных информаторах, она основывается на системе доноительства. И Заира ее создала. Так получилось, что годы нашей учебы пришлось на защиту ее докторской диссертации. Поэтому отсутствовала она частенько и подолгу: брала творческие отпуска, уезжала в научные командировки в Москву. Ее длительное отсутствие на факультете никак не сказывалось на ее информированности: аппарат наушников работал исправно. Достаточно сказать, что она была в курсе того, что делается в комнатах студенческого общежития.

Заира Валентиновна читала нам на третьем курсе историю СССР. Ее специальностью были Герцен, революционные демократы, народники, первые марксистские и рабочие организации. Хронологические рамки – вторая половина XIX в. Лекции читала она хорошо. Обладала высокой культурой речи. Ни одного слова-паразита, который резал бы слух. Голос поставлен, тембр голоса приятный, речь четкая, темп речи позволял легко конспектировать за ней. В общем, классика преподавательского жанра.

Мне врезался в память эпизод, когда я сдавал Заире экзамен. И не мудрено: кажется, я тогда вообще первый раз с ней разговаривал. Я отвечал ей по билету более-менее сносно. Уже к концу экзамена она меня спрашивает, кто из деятелей второго этапа освободительного движения вызывает у меня особенный интерес. Я задумался, и вдруг, кажется, помимо воли, из меня выскочило: «Катков!». Она удивленно посмотрела на меня и вслед за тем громко расхохоталась. Дело в том, что история XIX в. преподносилась нам исключительно под углом революционной парадигмы (три этапа освободительного движения), а Михаил Никифорович Катков был человеком противоположного лагеря. Он начинал с Белинским, они вместе посещали кружок Николая Станкевича, сотрудничали в журнале «Отечественные записки». Затем их пути разошлись. Катков стал публицистом славянофильского, почвеннического толка, то есть «реакционером». Он редактировал проправительственные «Московские ведомости». В 60-80-е гг. XIX в. он был очень влиятельным публицистом и эволюционировал от умеренного либерализма к крайнему консерватизму. Безусловный враг революционного движения. Поэтому о Каткове в советской литературе – практически ни слова. И вот советский студент на экзамене называет преподавателю-герценоведи в качестве своего героя имя злейшего врага Герцена. Тут либо наглость, либо, что называется, невпапад! А это уже смешно. С другой стороны, этот факт означал, что студент самостоятельно читал литературу, и не советскую, а дореволюционную. Значит перед ней читающий, ищущий, думающий студент. Возможно, именно тогда Заира Валентиновна обратила на меня свое внимание.

Свойства капризного женского характера и приобретенные навыки руководителя слились в комбинацию, которая сделалась второй натурой Заиры. Ух, как она была прекрасна в гневе! Она буквально приходила в ярость. И как было страшно оказаться предметом ее негодования! Она прошла по судьбам людей, как танк по музейному паркету. Она слегка задела меня, и я отлетел от нее, словно щенок от ноги прохожего – скуля и повизгивая.

Дело было в 1977 г. Я тогда учился на четвертом курсе – время конкретно думать о будущем, принимать судьбоносное решение. Жить стало тревожно: неопределенность беспокоила. И вдруг меня вызывают к декану. Я робко захожу к ЗВП в кабинет. Она приглашает сесть, смотрит на меня испытывающим взглядом и спрашивает, как я вижу свое будущее. Я говорю, что, мол, хотелось бы заниматься наукой, поступить в аспирантуру, но...

И тут она мне говорит:

- А как вы насчет того, чтобы остаться на историческом факультете? У нас два преподавателя (называет их имена) находятся в пенсионном возрасте. Нам нужно подготовить им смену. Я к вам с первого курса присматриваюсь. Вы можете стать хорошим преподавателем. Я возьму вас к себе в аспирантуру.

Я потерял дар речи. Когда справился с собой, говорю:

- Я бы с большой радостью, но...

Она вопросительно подняла брови:

- В чем дело?

- Я - не член партии, а Вы же знаете...

- А вы что, не хотите быть членом партии?

- Хочу, но моего желания мало. Вы же знаете, нужно, чтобы райком дал анкету.

- А вы уже писали заявление?

- Нет, но без райкомовской анкеты это пустое дело.

- А вы попробуйте. Обратитесь к Виктору Николаевичу (Немченко, секретарь парторганизации истфака на то время. – Г.Г.).

Я вылетел из кабинета Першиной и бросился на улицу, на свежий воздух, чтобы переварить услышанное. Во мне играли смешанные чувства. Оказывается, я под «колпаком у Мюллера» с первого курса! Кошмар! Моя проблема неожиданно разрешалась и так здорово, что я даже мечтать не мог. У дверей в аспирантуру стояла Партия и кандидату в ученые вручала билет. Тогда дверь открывалась. Если она билет не вручала, то дверь не открывалась. Это было правило, все другие варианты были исключением из правила. Курс у нас был сильный, желающих поступить в аспирантуру хватало с избытком, конкуренция была высокой. На следующий день я подошел к В.Н. Немченко. Он был «в курсе», сказал, чтобы я написал заявление, что я и сделал. А далее события развивались драматическим для меня образом.

Подошли октябрьские праздники. Упомянутый выше Гоша Пекарский пригласил меня поехать вместе с ним в село к его тете помочь убрать кукурузу. «Заодно и развеемся!». Я согласился. На праздники мы поехали в Любашовку и там весь день ударно трудились, убирая кукурузу. Нароботались так, что спина болела и руки тряслись. Зато вечером расслабились: качественная самогоночка, холодец из петушка, соленья из погреба. Засиделись далеко за полночь. Поздно утром встали, «полечились». Жизнь вновь обрела прелестные очертания. И мы решили не ехать в Одессу, а остаться еще на один день. Вернулись в город в день

занятий и, конечно, их пропустили. На следующий день я пришел на факультет. После первой пары меня вызвали к декану. Когда я вошел в кабинет Заиры Валентиновны, она меня холодно спросила, почему я пропустил вчерашний день. Я сказал полуправду: ездили с Пекарским помогать его тете, но не смогли вовремя вернуться в город, поскольку автобус, на который мы рассчитывали, сломался. И тут Заира взорвалась:

- Как Вы могли?! С Пекарским – все ясно, но вы, вы-то как могли так поступить? Вы все испортили! Берите бумагу и пишите объяснительную.

Я опешил. Пропуск занятий без уважительной причины считался у нас серьезным проступком, и все же столь бурная реакция декана была непонятной. Я вышел из кабинета с тяжелым чувством, что свершилось что-то непоправимое, и тут же, в деканате, стал сочинять объяснительную. Именно сочинять. Я создал образ немощной, разбитой параличом старушки, которая с тоской смотрит в окошко своей покосившейся избышки. Дальше в духе Некрасова: «И только полоска не сжата одна». Тут чудесным образом являются два молодца-тимуровца, и бабушка спасена от верной голодной смерти. Я вернулся в кабинет, протянул Заире лист, она взяла, пробежала глазами. Затем посмотрела на меня своим фирменным взглядом и сказала:

- Я сохранию это и покажу вам спустя несколько лет, чтобы вам стало стыдно. Вы – свободны.

Она сказала это таким тоном, как будто разорвала контракт. В течение следующего месяца я сильно переживал, находясь в полной неопределенности. Я испытывал состояние, близкое к депрессии. И когда, наконец, успокоился и свыкся с мыслью, что и без аспирантуры можно жить, ко мне вдруг подошел В. Н. Немченко и сказал, что, если я не передумал вступать в ряды КПСС, то должен в первую очередь побеспокоиться о том, чтобы получить две рекомендации - от одного члена партии и одного члена комсомольского бюро курса. И вновь надежда ожила. В декабре 1977г. я вступил в кандидаты в члены КПСС.

Впоследствии я узнал, что истинной причиной бешенства декана была деревенская свадьба одной пары с нашего курса. Вместе с ней гулять свадьбу отправилось еще целый ряд наших однокурсников. З. В. Першиной об этом донесли. Она считала, что и мы с Гошей были в их числе, то есть, она думала, что я ей откровенно лгал. Все знали, что Заира вела бескомпромиссную борьбу с деревенскими свадьбами, которые длились от трех дней до недели. На собрании факультета она возмущенно говорила, что ей пишут слезные прошения о назначении стипендии вследствие тяжелого материального положения, а затем устраивают многодневную деревенскую свадьбу с приглашением сотен гостей. Возможно, она проверила и убедилась, что меня на свадьбе не было. Так или иначе, дорога в аспирантуру мне была вроде бы открыта, но разговор об этом Заира не возобновляла, а сам я спросить не решался.

Не помню точно, то ли в конце этого курса, то ли в начале следующего, пятого, мне предложил аспирантуру заведующий общеуниверситетской кафедрой истории КПСС профессор Н. М. Якупов. Здесь шла своя «силовая» игра, о которой я в то время не имел ни малейшего представления. Дело в том, что третьего курса я учился на фуркации по истории КПСС. Следовательно, Заира Валентиновна, предлагая мне аспирантуру, залезла в «чужой огород», поскольку Якупов имел негласное первоочередное право на меня. Заведующий

общеуниверситетской кафедрой, Герой Советского Союза, периодически избираемый членом бюро Одесского горкома или обкома партии, очень влиятельный в городе человек Николай Михайлович Якупов был совершенно независим от декана исторического факультета. Имея нагрузку на истфаке, он регулярно набирал аспирантов из числа далеко не худших студентов-истфаковцев, что, вероятно, приводило к столкновению интересов. Именно к Якупову я обратился за рекомендацией в партию. Наверное, он сообразил, что раз инициатива исходит от Заиры Валентиновны, то она «имеет виды» на меня, и сделал мне контрпредложение. Этим он поставил меня в щепетильное положение. Как честный человек, я должен был кому-то отказать. Но Заира молчит, и остается ли ее предложение в силе, я не знаю. Когда не знаешь что делать, лучше ничего не делать. И я решил подождать. Ждать пришлось до последнего – до распределения. В мае 1978 г. я вошел в знакомый кабинет декана. Там сидела комиссия из нескольких человек под председательством самой Заиры. Она спросила меня нейтральным тоном, куда бы я хотел пойти после окончания университета и указала на «простыню» с адресами школ в районах благословенной Одесской области. И тогда я сказал, что иду на учебу в аспирантуру на кафедру истории КПСС. Она задержала на мне вопросительно-удивленный взгляд (чего она ожидала?), затем кивнула «Хорошо!» и опустила голову. Я поспешил расписаться в направлении, вышел из кабинета и облегченно вздохнул. Судьба решена! Я никогда не жалел об этом решении, поскольку стать аспирантом Заиры Валентиновны означало оказаться на годы во власти ее переменчивых настроений. Большая кошка играет, но в любой момент может и зашибить.

* * *

В 1995 г. мне понадобилась консультация Заиры Валентиновны по истории университета. Я попросил о встрече, она любезно согласилась. И вот впервые спустя два десятка лет я вновь сидел напротив нее в кабинете кафедры истории Украины. Она говорила, я слушал, и это давало мне возможность изучать ее. Вроде бы это была все та же, немного постаревшая, властная, холеная женщина. Она смотрела на меня внимательным взглядом, и ко мне возвращалась прежняя неуверенность. И все же она была не та! Ее время безвозвратно ушло. Теперь она была «простым» профессором кафедры истории Украины. Без властной должности. Необходимость быть идеологическим цербером, амбиции отпали. Осталось то, что в ней меня привлекало: ум, ирония, идущая от знания жизни, внешняя культуры отношений. На всем этом лежала печать актерского мастерства.

Она мне рассказывала о жесточайших проработках преподавателей университета во времена сталинских идеологических «чисток». Один только факт: в 30-е «вырубили» кадровый состав до такой степени, что, например, кафедру истории Украины возглавлял Иван Иванович Погорелов, который пришел с депо, с рабфака. Закончил университет и сразу был назначен заведовать кафедрой, так как просто некого было ставить. Это полный аналог ситуации в армии того времени: полком, бывало, командовал безусый дейтенант, а дивизией – майор. Говорила она об этом, как мне показалось, без всякого осуждения

режима, с позиций историка – такое было время, такая была система. В этом есть определенный «сенс»: меня самого раздражает манера некоторых наших историков-моралистов подходить к оценке событий прошлого с позиций современной концепции прав человека. Подозреваю таких историков в выполнении идеологического заказа создать выгодный фон для нынешней неказистой, бардачной псевдодемократии. Но в данном случае, думаю, это была позиция, обусловленная ее отношением к системе власти. Она великолепно приспособилась к этой системе и где-то приспособила ее под себя. Много лет она была не просто функционером, а отличником системы, персонифицировала ее в наших глазах во всей своей красе.

О своем учителе философе Самуиле Яковлевиче Когане, у которого она писала дипломную работу, Заира Валентиновна сказала, что он мог бы в иных условиях стать вровень с крупными мыслителями, но тогда все сотрудники кафедр общественных дисциплин, в том числе философы, были «в рамках» и потому на тропу большой самостоятельности не вступали. Быть «в рамках», владеть наукой лицемерия, двоемыслия - кредо людей бюрократической карьеры, особенно в провинции. К науке это не имеет ровно никакого отношения, поэтому имя доктора исторических наук Заиры Валентиновны Першиной в ней не останется, зато в памяти ряда поколений студентов истфака ей «навечно» уготовано почетное место легендарного декана.

9

В течение всей учебы на историческом факультете мы усердно изучали предмет, который не значился в расписании. Мы изучали наших преподавателей. При этом относились к ним не как к живым и сложным людям, у которых есть свои проблемы, комплексы, слабости. Мы относились к ним как к мифическим персонажам и делили их на «хороших» и «плохих», на «добрых» и «злых». Впрочем, их комплексы и слабости нас очень даже интересовали с практической точки зрения. К одному преподавателю наши девочки шли в самых коротких юбках и платьях, которые у них были. Это был верный способ успешной сдачи экзамена. Другая преподавательница благоволила к мужественным студентам и «придиралась» к смазливим студенткам. К ней на экзамен ребята шли небритыми, а девушки – без макияжа. Третий был «либерал», к нему особенно не готовились, а на экзамене всю шпаргалили. Четвертый – «зверь»; его, как говорится, не обойдешь и не объедешь на кривой козе. В этом случае пахали на полную катушку, напряженно сдавали, а сдав, немедленно шли в «Гамбринус» отмечать победу разума над костной материей. В общем, все было как у людей.

Повторю, что мы относились к нашим учителям, как к мифическим персонажам, которые, как известно, существуют вне времени. Только один пример. Анна Михайловна Шабанова существовала до нас, при нас и после нас. Подразумевалось: так будет всегда. Несправедливо, если кто-то не пройдет испытание Шабановой. А может ли тот, кто не прошел «через Шабанову», считаться настоящим истфаковцем? И вдруг мне сообщают, что Анна Михайловна умерла. Мгновенная мысль: как такое может быть, ведь мифические герои не умирают? И вторым темпом входит в сознание и заполняет его вместе с запоздалым раскаянием мысль, что за мифическим образом я не удосужился

разглядеть реального человека из духа и плоти, у которого болело сердце, который честно стремился выполнять свой долг, учил нас всему, что знал сам. А мы в своем эгоизме были глухи и жестоки к ней, ибо видели в ней только *свою* «проблему Шабановой». С другой стороны, надо быть реалистом: откуда возьмется у начинающих взрослую жизнь мальчишек и девчонок такая жизненная мудрость?

Пожалуй, есть единственный способ отдать ей должное. Он заключается в следующем повороте сознания: если в моей памяти, в моей мысли я воспроизвожу образ Анны Михайловны, веду с ней мысленный диалог, критикую ее стиль преподавания, то это означает, что ее жизнь посредством моего сознания продолжается, что она продолжает оказывать свое влияние на моих студентов через меня, своего ученика. Это рассуждение касается, естественно, и всех других преподавателей, о которых я здесь вспоминал и размышлял. Так на самом деле осуществляется преемственность, эстафета поколений. И так отдается долг своей Alma mater – мистической институции, одновременно населенной всеми поколениями студентов-историков, и даже теми, кто еще не переступал порога истфака. Привет вам всем, земляки, из семидесятых!

Одесса, декабрь, 2009 г.

Текст публикуется в литературно-художественном, историко-краеведческом иллюстрированном альманахе Всемирного клуба одесситов «Дерибасовская-Пишельевская» в №№ 45-48 за 2011 г.

*Алексеев-Попов В.С. О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

* Интернет. – Режим доступа: http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/others/odessa/69_75/ilnitsk/prose/vchk-cat-names-other-o_ilnitsk-prose-razlom.html

*К тому времени за его плечами были истфак, мехмат, защита кандидатской и докторской по философии. Позднее, уже работая в Москве, он защитил еще и докторскую по экономике. Думаю, это позволяет судить о его возможностях.

Хостинг от [uCoz](#)